

A soldier in a brown uniform and a red ushanka hat stands with his back to the camera on a rocky, snow-dusted path. He is looking towards a vast, misty forest of tall evergreen trees. In the far distance, a large, jagged mountain peak is covered in snow and partially shrouded in mist. The overall atmosphere is cold and somber.

Пауль Влад

Другая война

Пауль Влад
Другая война

«Автор»

2026

Влад П.

Другая война / П. Влад — «Автор», 2026

Самая страшная война ведется не между людьми. 1939 год, Карелия. Отряд Красной Армии сталкивается не с вражеским десантом, а с иной реальностью. Здесь правят духи, камни помнят жертвоприношения, а колдун приносит солдат в жертву Зимнему богу. Их оружие бесполезно. Чтобы выжить, нужно разбудить древнюю магию своей земли. Или самому стать частью проклятого леса.

© Влад П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.Лес	5
Глава 2. Они	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пауль Влад

Другая война

Глава 1.Лес

Конец декабря 1939 года, Северная Карелия, у границы, которую никто не успел нанести на карты.

Лес был не просто лесом. Он был глыбой молчания, вмурованной в промерзшее небо. Сосны стояли черными, зазубренными швами на бледной, воспаленной коже горизонта, их ветви, отягощенные снегом, напоминали скрюченные пальцы, застывшие в последнем, отчаянном хватательном движении. Воздух был сух, колок и резал легкие, как лезвие некованого железа. Тишина – не отсутствие звука, а некая плотная субстанция, в которой редкий треск ветки отдавался пушечным выстрелом, а собственное дыхание гудело в ушах, как шум далекого водопада.

По этой застывшей пустоте, цепляясь за ветки и спотыкаясь о валуны, скрытые под снежными саванами, пробирался отряд лейтенанта Гордеева. Из сорока двух человек в живых осталось тринадцать. Не от финских пуль и шрапнели, а от этой самой земли, от этого леса. От мороза, что впивался в кости и делал их хрупким стеклом. От невидимых ловушек под снегом. От истощения и тихого, ползучего безумия, что шепталось на ухо в долгие полярные ночи.

Лейтенант Гордеев, с лицом, заглубившим от ветра и ответственности, шел первым. Его пальцы в худых перчатках бессознательно сжимали и разжимали приклад автомата. За ним, шаркая обледеневшими валенками, брел старшина Крутов – крепкий, как сибирский кедр, уралец с бесцветными, пронзительными глазами, в которых читалась не привычка к смерти, а привычка к выживанию. Дальше – остальные, по большей части: молодые, испуганные, посевшие за три недели этой зимней войны.

Среди них был Алексей Прокошин, двадцатилетний, худощавый, с тихим, задумчивым лицом, не свойственным солдату. Он редко говорил, но его глаза, темные и слишком глубокие, постоянно что-то искали на стволах деревьев, на узорах инея, на поверхности валунов – словно читал невидимый текст, начертанный на самом лесе. Родом он был из глухой вологодской деревни, затерянной среди болот и вековых лесов – из тех мест, где древность жила не в учебниках, а в шепоте старух у печки и в оберегах, вбитых в косяк двери. В его нагрудном кармане лежала не листовка и не фотография, а потрёпанная полевая тетрадь ссыльного старика – этнографа – странное наследство, которое теперь, в этом аду, начинало казаться единственной картой к спасению.

Рядом с Прокошиним ковылял Ваня, юный ординарец, чья винтовка казалась ему самому тяжелее, чем он мог вынести.

– Надо вставать на ночевку, товарищ лейтенант, – голос Крутова был хриплым, как скрип снега под полозьями. – Люди валяются с ног.

Гордеев молча кивнул, осматривая редкую поляну между двух особенно мрачных валунов, похожих на черепа доисторических чудовищ. Место казалось нехорошим – это чувствовалось кожей. Воздух здесь казался еще гуще, еще враждебнее.

– Здесь. Быстро, без костра. Сухой паек. Часовых по два, смена каждый час.

Солдаты сбились в кучу под нависающей каменной глыбой, пытаясь найти укрытие от вечного, тоскливого ветра. Алексей сел чуть в стороне, прислонившись к камню. Пока другие вскрывали консервы, он достал потрёпанный, зачитанный блокнот в кожаном переплёте –

тот самый, завещанный стариком, и при тусклом свете сумерек начал что-то в него заносить обгрызенным карандашом.

– Что это у тебя, Прокошин? Дневник пионерский? – съязвил кто-то из солдат.

Алексей не ответил, лишь прикрыл блокнот ладонью. Но Крутов, сидевший рядом, успел мельком увидеть – это были не буквы, а странные зарисовки: узоры, похожие на те, что иногда виднелись на старых деревенских наличниках, схемы из пересекающихся линий.

Ночь наступила мгновенно, поглотив остатки света. Темнота в карельском лесу зимой была физической тяжестью, черной шерстяной материей, давившей на веки. Часовые – Петров и Семенов – замерли у края поляны, лишь смутные силуэты, чуть темнее общего мрака.

Первый крик пришел из леса. Не человеческий – протяжный, визгливый, похожий на скрежет льда по стеклу. Все вздрогнули в темноте, схватившись за оружие.

– Что это?! – прошептал голос Вани где-то рядом.

– Рысь, наверное, – неуверенно сказал чей-то невидимый рот.

– Не рысь, – пробормотал Алексей из черноты под валуном. – Пахнет... болотной ржавчиной. И польню. Так не должно пахнуть зимой.

Крики повторились, уже ближе. Вспышка выстрела, у кого-то не выдержали нервы, на миг осветила застывшие в ужасе лица. Затем снова тьма.

– Петров! Семенов! Отозваться! – скомандовал Гордеев, его голос был единственным ориентиром.

Тишина.

– Семенов! Петров! Черт вас возьми, отзовитесь!

Из мрака между деревьями выкатилось и упало на снег черное пятно – Семенов. Хриплые всхлипы, звук биения тела о снег.

– Лица... у них нет лиц... только дерево... и глаза... светятся... – лепетал он.

Кто-то чиркнул ракетой. Ослепительная белая вспышка превратила ночь в день. В её свете они увидели Семенова, дергающегося в конвульсиях, и Гордеева, склонившегося над ним. И еще что-то – на границе леса – высокие, неверные тени, отбрасываемые не на снег, а как бы внутрь самих деревьев. Ракета погасла, оставив после себя лишь ядовито-зеленые пятна в глазах и еще более непроглядную тьму.

Тучи на минуту разорвались, и проступил тусклый, больной свет ущербной луны. Он не освещал, а лишь делал тьму рельефной, придавая снегу мертвенный, фосфоресцирующий отсвет. В этом призрачном сиянии они и увидели Петрова.

Глава 2. Они

Он был бледным пятном, плывущим по снегу. Походка неестественно плавная, скользкая. В лунном свете его лицо казалось гладким и белым, как гипсовая маска. Он прошел мимо сгрудивших солдат, не поворотив головы, и стало видно – его открытые глаза были заполнены чем-то плотным и черным, что не отражало лунный блик.

И тогда из леса показались. Другие.

Они отделились от самих теней под деревьями. В свете Луны они казались сгустками еще более глубокой темноты. Только их глаза и знаки на теле светились – не отраженным светом, а собственным, холодным гнилушечным сиянием.

Алексей ахнул, и его рука инстинктивно схватилась за нагрудный ладан-лемех.

– Ноулки... – вырвалось у него сдавленным шепотом, полным не столько страха, сколько ужасного узнавания. – Духи дерева... лесные призраки... Так он, старик, описывал и зарисовывал...

– Кто? Какие «ноуки»? – прошипел рядом Крутов, не отрываясь от прицела.

– В блокноте! – Алексей говорил быстро, спотыкаясь, глотая слова. – Учёный один... этнограф. Он писал: «Ноулки – дух-хозяин конкретного места: дерева, пня, болотной трясины. В обычном виде – нейтрален, даже пуглив. Но если его призвать, осквернить место или направить злой волей – становится орудием». Это они... только испорченные. Не свои. Ими кто-то командует!

– И кто командует? – рявкнул Крутов, всё ещё целясь в приближающиеся тени.

– Тот, кто носит рога! – выкрикнул Алексей. – В блокноте... там схема была. Три круга. Мир людей, мир духов-помощников и – Танойнен, подземный мир. Его хозяин – Хийси. Не бог, а... сила. Дух дикой природы, но не добрый, как наш леший. Злой, древний, жаждущий жертв. Его объяснение, выкрикнутое в темноте, было похоже на отчаянную попытку понять кошмар через чужие, но четкие записи. И это делало тварей еще страшнее – они были не просто неведомым ужасом, а классифицированной угрозой из чьей-то научной тетради, частью чужой, чудовищно логичной системы.

За ними, казалось, не касаясь снега, плыла фигура в плаще цвета ночного неба. Её почти не было видно, лишь угадывался силуэт, нарушающий узор теней, и сияющая в воздухе корона из рогов, будто вырезанная из лунного диска.

– Tulitte maahan, joka ei teitä kaipaa. Jätätte verenne lumeen, lihanne mullille. Te olette uhrini Talvenjumalalle. – Голос был похож на скрип льда, но странно отчетливый в морозной тишине.

Слова, чужеродные и гортанные, повисли в воздухе. И тогда Яков Сухов, самый старший по возрасту из бойцов, «Степаныч», как звали его товарищи, медленно опустил винтовку. Его лицо, обветренное и жесткое, исказилось не то ужасом, не то озарением.

– «Пришли на землю, что вас не ждала...» – пробормотал он. – «Оставьте кровь на снегу, плоть земле... Жертвы... Зимнему богу...»

Все, включая Крутова, уставились на него. Степаныч был родом из-под Ленинграда, со старой финно-ингерманландской границы.

– Степаныч? Ты... ты понимаешь? – хрипло спросил Крутов.

– Баловался в детстве... соседские пацаны финны были... язык учили... – старый солдат кивнул, не отрывая глаз от темной фигуры. – Это как в старинных песнях. Как у них в сказках страшных...

Алексей, вглядываясь в фигуру, не просто смотрел – он сопоставлял.

– Тайта... – вырвалось у него почти беззвучно.

– Что? Что «тайна»? – резко обернулся к нему Крутов.

– Не «тайна»! – сквозь зуба выдавил Алексей. – Тайга. Так у них зовут колдуна-шамана. Рога на нём – знак договора. Он не просто колдует. Он приносит жертвы Хийси. А конец декабря... – Алексей судорожно глотнул воздух, – это их время. Грань тонка. И мы, чужаки с оружием, мы и есть самая желанная жертва!

Вспышка, Гордеев выстрелил из нагана. Оранжевый язык пламени на долю секунды высветил личину колдуна, синий плащ. Пуля ударила в центр личины и... застряла там. Из отверстия медленно поползла жидкая тень.

Тайга шевельнул пальцами.

Петров, стоящий в центре поляны, вздернул голову. Из его рта, ушей, глазниц хлынул поток черного инея, приняв форму щупальцевидных жгутов. Они рванулись к людям. Один жгут обвил шею молодого бойца Каширина. Тот не успел даже вскрикнуть. Его лицо побелело, покрылось узором морозных цветов, и он рухнул, разбившись на сотни ледяных осколков.

Начался ад. Стрельба была беспорядочна. Пули проходили сквозь ноуки. Штыки ломались. А черные жгуты косили людей. От прикосновения живая плоть мгновенно кристаллизовалась и рассыпалась с тихим, ужасающим звоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.